

Шу Сюнь заметил, что этот стимулятор пользовался большим спросом — на витрине оставалось всего несколько флаконов. Если вспомнить странный, сбитый суточный ритм жителей города Вэй, становилось очевидно, что препарат принимали многие. Обычные горожане пили его, чтобы не засыпать по ночам. Но относилось ли это к синеглазым? Неужели они глотали таблетки по той же причине?

Семилетняя Цин Мэн так уверенно отыскивала стимулятор, что не оставалось сомнений: она принимает его давно и послушно. Должно быть, кто-то взрослый приучил девочку к лекарству и даже объяснил, как покупать его в одиночку.

Шу Сюнь указал на аптечный пузырек в руках малышки и с недоумением спросил:

— Зачем ты его пьешь?

Цин Мэн прижала бутылочку обеими ладошками, на мгновение растерявшись, а затем склонила голову набок:

— Папа с мамой говорили, что так я не усну.

— А почему нельзя засыпать? — продолжил расспросы Шу Сюнь.

Девочка поначалу хотела ответить, но вдруг вспомнила о чем-то, опустила голову и после долгого молчания прошептала так тихо, что едва можно было расслышать:

— Папа с мамой не разрешают говорить.

Шу Сюнь сразу всё понял. Родители Цин Мэн наверняка заметили какую-то странность и строго-настрого запретили ей болтать об этом, иначе малышка не вела бы себя так настороженно.

— Ладно, пойдём. Куда тебе нужно?

Цин Мэн вскинула голову. Убедившись, что Шу Сюнь не сердится из-за её скрытности, она радостно зажмурилась и вовсю закивала:

— Я иду домой! Пойдёте со мной? Скоро прилетят голубые бабочки, а дома намного теплее.

В её голоске звенела искренняя радость. Никакого страха или неприязни к чужакам, которых они опасались изначально, не было и в помине.

То, что встреча прошла так гладко, было почти целиком заслугой Шу Сюня. Ну и, конечно,

сыграли роль детское простодушие и тоска по общению. Город Вэй угасал уже полгода. Если другие синеглазые выжившие постепенно покинули эти места, то сколько же времени маленькая Цин Мэн провела здесь в полном одиночестве?

Шу Сюнь согласно кивнул под её выжидающим взглядом, и девочка, сияя от счастья, поспешила вперёд, увлекая их на юг города.

На улице царила мёртвая тишина — ни дуновения ветра. На самом краю серого, тусклого небосклона уже едва заметно проступало нежно-голубое свечение. Пока ещё слабое, почти неуловимое, если не приглядываться специально.

Приноравливаясь к шагу маленькой девочки, мужчины шли не торопясь. Шу Сюнь на этот раз не стал прятаться в тёплом кармане, а послушно топал следом за Цин Мэн, оставляя на свежем снегу цепочку крошечных забавных следов. Но стоило ему зазеваться, как лапка соскользнула, и пушистый комочек по уши провалился в рыхлый сугроб. Снег, который людям едва доходил до щиколоток, для крошечного Шу Сюня превратился в непреодолимую преграду.

Не успел Шу Сюнь и пикнуть, как Ецянь остановился. Наклонившись, он аккуратно выудил Пушка из снежной ямы за шкурку и слегка встряхнул. Малыш забавно закачался в воздухе, а прилипшие снежинки осыпались на землю. Болтаясь на весу, Шу Сюнь деловито похлопал себя по крошечной одежке пухлыми лапками и, когда очистился от снега, подрыгал короткими ножками, прося опустить его обратно.

Ецянь разжал пальцы, сохранив на лице маску абсолютного бесстрастия. Лишь глубоко в душе он отчаянно боролся с непреодолимым желанием немедленно сцапать этот пушистый комок и засунуть его поглубже в карман.

Минут через двадцать они остановились перед жилым домом. По меркам некогда шумного города Вэй здание казалось совсем невысоким, но выглядело на редкость изящно и уютно. Лифт, конечно, давно не работал. Цин Мэн поднялась с гостями на третий этаж и отперла дверь квартиры.

Переступив порог, девочка принялась обувать домашние тапочки и весело крикнула вглубь коридора:

— Папа, мама, я вернулась!

Три высокие фигуры застыли в прихожей. Маленький Пушок устроился у их ног, молча наблюдая за происходящим.

Спустя пару минут трое рослых мужчин, неловко переминаясь с ноги на ногу, вошли в гостиную в нежно-розовых тапочках, которые заботливо отыскала для них хозяйка. Шу Сюнь щеголял в точно таких же пушистых розовых тапочках — и те сидели на нём как влитые. Не спрашивайте, откуда они взялись: достаточно было взглянуть на босого кукольного пупса,

сиротливо сидевшего на полке.

Пока гости устраивались, Цин Мэн убежала в спальню. Оттуда донёлся тихий, неразборчивый лепет — девочка будто с кем-то разговаривала. Шу Сюнь с любопытством вытянул шею, пытаясь заглянуть за дверь, но ничего не разглядел. Впрочем, было очевидно: родителей девочки давно не было в живых.

На записях с уличных камер они видели, как отчаянно Цин Мэн пыталась прорваться в северную часть города. Тогда Шу Сюнь решил, что её родители остались там. Но реальность, как это часто бывает, оказалась куда сложнее. Девочка была удивительно чуткой, смыслёной и самостоятельной. Прожить полгода в одиночестве среди мёртвых руин — непосильная задача для ребёнка. Шу Сюнь не сомневался: кто-то терпеливо и заботливо готовил её к выживанию.

Вскоре Цин Мэн вышла из спальни, плотно прикрыв за собой дверь. Вернувшись в гостиную, она окинула гостей взглядом и вдруг, словно опомнившись, оживилась. Быстро побежав на кухню, она принесла несколько стаканов, доверху налила сок и расставила их на журнальном столике перед диваном.

Устроившись напротив, девочка серьёзно посмотрела на мужчин:

— Гостей нужно угощать.

Ле Ян весело рассмеялся:

— Какая заботливая хозяйка! Спасибо.

С этими словами он взял стакан. Ецянь молча последовал его примеру. И тут Нуаньдун, хранивший угрюмое молчание с самой встречи с девочкой, вдруг тепло и открыто улыбнулся. Казалось, в комнате в один миг растаял зимний лёд. Малышка Цин Мэн даже замерла от неожиданности, а затем робко, но искренне улыбнулась ему в ответ.

Ле Ян от такой картины поперхнулся соком и долго откашливался, прежде чем изумлённо выпалить:

— Обалдеть, ты умеешь улыбаться?! Да ещё так... так...

Нуаньдун тут же одарил его ледяным, предостерегающим взглядом. Ле Ян мгновенно прикусил язык и лишь безразлично пожал плечами — ладно, мол, проехали. Всё равно в этой компании только он один и был нормальным человеком.

К полудню голубоватое свечение на горизонте стало отчётливым. Стоило бросить взгляд за стекло, как по коже пробежал мороз — снаружи холодало с каждым часом. Чтобы согреться, они разожгли в комнате жаровню. Сухие ветки белых скальных деревьев дружно затрещали в

огне, разгоняя подступающую прохладу. Цин Мэн это явно пришлось по душе: всё утро она крутилась возле весёлого пламени.

После обеда девочка сладко зевнула. Глаза её слипались от сонливости — приближалось время привычного тихого часа. Однако она упрямо тряхнула головой, подбежала к принесённым из супермаркета вещам и вытащила два заветных пузырька. Вернувшись к столику, она привычным движением выдавила таблетку и запила её водой.

Шу Сюнь наблюдал за ней, устроившись на краю столика. Похоже, этот препарат пользовался в городе большим доверием. Наверняка это был самый мягкий и безопасный стимулятор из всех возможных, иначе любящие родители не стали бы давать его собственному ребёнку.

— Цин Мэн, а как давно ты принимаешь эти таблетки? — поинтересовался Шу Сюнь.

Спрятав лекарство в ящик комода, девочка ответила:

— Начала примерно год назад. Но потом мы долго их не пили.

Ле Ян озадаченно нахмурился. Ещё в магазине он изучил этикетку и понял назначение препарата, но тогда промолчал, боясь испугать девочку. Теперь же, видя её доверчивость, он тепло улыбнулся и спросил:

— А почему сегодня решила выпить?

Цин Мэн мгновенно умолкла. Очевидно, вопрос задел какую-то тайну, которой родители строго-настрого запретили делиться с кем бы то ни было.

Шу Сюнь решительно подбежал к Ле Яну и изо всей сил пнул его за голень коротким крошечным сапожком. Любопытство здоровяка опять заставило девочку замкнуться в себе, вернув её в состояние тревожного ожидания.

Ле Ян ошарашенно захлопал глазами. Пинок малыша, разумеется, боли не причинил — скорее пощекотал, но намёк гигант понял сразу. Чтобы разрядить напряжённую тишину, он схватился за лодыжку и принялся уморительно скакать на одной ноге, притворно охая и кряхтя.

Шу Сюнь лишился дара речи.

"И этот недотёпа — представитель царственной династии инсектов? Как он вообще выжил в космосе с такой бездарной актёрской игрой и заторможенной реакцией?"

Зато Цин Мэн, глядя на его ужимки, не выдержала и звонко, заливисто рассмеялась. Её искренний детский смех заполнил притихшую квартиру, возвращая ей жизнь. Довольный Ле

Ян тут же расплылся в своей фирменной белозубой улыбке.

[Чат трансляции]

[- Рука-лицо... Я этого не видел. Наш повелитель не может быть настолько глупым!]

[- Почему мне кажется, что после встречи с этой троицей IQ нашего короля стремительно покати́лся по наклонной?]

[- Да нет же! Просто теперь есть с кем сравнивать. Да что там Ецян, он даже с малышом Пушком совладать не может!]

[- А по-моему, Ле Ян очень милый. Так старается рассмешить девочку, хоть и выглядит при этом нелепо.]

[- Согласен! Сцена дурацкая, но заставляет по-новому взглянуть на Императорскую бабочку.]

В квартире снова воцарился уют. Цин Мэн быстро позабыла о неприятном вопросе и всю забавлялась проделками Ле Яна. Она явно прониклась к нему симпатией и в знак особого расположения даже расщедрилась на пачку своих любимых сладостей.

Тот прямо-таки расцвёл от гордости. Мужчина совершенно не умел ладить с детьми, и подобное признание его заслуг было в новинку. К концу дня Ле Ян уверенно занял почётное второе место в личном рейтинге любимчиков Цин Мэн — сразу после пушистого Шу Сюня.

Пока они втроем увлечённо резались в настольную игру, за окном незаметно спустились сумерки, а вместе с ними город накрыло таинственное сияние. В одно мгновение чистые стёкла покрылись тонким узором изморози. Шу Сюнь как раз пытался управиться с картой, которая была едва ли не больше его самого, когда Цин Мэн вдруг бросила игру и зашаркала тапочками к окну. Завораживающее зрелище ледяного царства приковало её взгляд. Малыш тоже поспешил следом и устроился на подоконнике у панорамного окна.

И вдруг в отражении на стекле, прямо в глубине её ясных синих глаз, Шу Сюнь увидел совсем другой город Вэй.

Он предстал перед ним хрустальным, призрачным замком, окутанным тончайшей, почти невидимой голубой дымкой. Чистый, нетронутый снег напоминал мягкие пушистые облака. Весь город казался парящей в небесах сказочной обителью, в воздухе которой кружились

бесчисленные ледяные голубые полупрозрачные бабочки. Они взмывали ввысь и плавно опускались, вычерчивая светящиеся лазурные дуги и оставляя за собой искрящиеся шлейфы, словно кружились в медленном, ленивом танце, обнимая весь этот застывший мир.

Шу Сюнь удивлённо взглянул на девочку. В её широко распахнутых синих глазах застыли восхищение и глубокая тоска. Малыш нахмурился. Он был уверен, что за стеклом нет никаких бабочек. И всё же секунду назад он отчётливо видел их призрачные силуэты в глубине её зрачков. Откуда в ней это странное, щемящее притяжение к ледяной красоте? Неужели дело лишь в мимолётном очаровании этого дивного пейзажа?

<http://bllate.org/book/20265/2217885>